Микола ЛУКИВ

ОШИБКА КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

Разбил печенегов и выстроил храм,
В зените при нем засияла держава.
Чтил ум Ярослав и отважным был сам —
За что ему почесть и слава.

Где княжьей усобицы вихорь гулял —
На страже поставил законов плотины.
О, сколько труда он и сил отдавал,
Чтоб земли собрать воедино1

Но вот перед смертью: своих сыновей
В палаты созвал он, и стало там тесно,
Он каждому дал от державы своей...
Чем кончилось это — потомкам известно.

Перевод с украинского И.Сергеевой.
Киев — Симферополь,1991.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ, или Воспоминание о 1986 годе

Короной ледяной увенчан этот год.
Соцветья мерзлых слез метелью заклубило.
А в памяти моей опять полынь цветет.
Ее зовут еще в народе чернобылом.
Горючая звезда — цветущая полынь —
влюбленная во прах, в погосты и руины,
незримым светом жжет июньскую светлынь,
полесские дубы и степи Украины.
И в памяти встает ушедший грозный год,

кинжалом лучевым содравший с нас наросты
заплесневелой лжи... И огненно цветет
живая наша плоть, не скрытая коростой;
распахнутая боль, раскрывшаяся явь,
отчаянье, и гнев, и ужас, и отвага,
на свежих ранах — соль, на старых звездах — ржавь,
и это никаким не скроешь саркофагом.
И вороны — «Аминь!» — во весь горланят пыл.
И мир — куда ни кинь — пропах гашишем злобы. ...
…Звезда моя полынь. Горчайший чернобыл.
Сестра моя полынь. Беда моя — Чернобыль.

Москва-Симферополь.1991.

Елена ПЕХОТА

ПРЕДВИЖУ ВОЗРОЖДЕНИЕ ТВОЕ, О, БОГ ЗАБЫТЫЙ...

Мы посетили седые развалины древнего Храма,
Что возвышались на мысе. Кругом было теплое море.
Чайки стонали в безумном, безудержном горе,
Волны с шипеньем дробились о скользкие, черные камни...

Пена взлетала и падала вниз шелестящей струею...
Долго глядев на святыни иного, чужого народа,
Я притомилась и, сев на замшелых ступенях у входа,
Слушала ветер. Следила за моря прозрачной волною...

Воздух дышал мне в лицо ароматом июньской полыни,
Между колонн пробивались пунцово горящие маки...
Здесь обитали когда-то бесстрашные смуглые даки...
Кто теперь помнит их полузабытое имя?

Гул приглушенный прибоя святилище пением полнил…
Я безотчетно внимала ему, и вдруг сердце забилось: —
Эта чужая земля в моем детстве так часто мне снилась!
Эти ступени и скалы, как иглы, и тепло-соленые волны...
И, разрыдавшись, взглянула на Храм в запустенье ковыли,
Стала молиться здесь некогда жившему доброму Богу...
Я целовала в мечтах светоносно-пурпурную тогу,
Горько жалея, что ныне его безвозвратно забыли.

Нет на Земле никого, кто хранит Его облик прекрасный...
Нет на Земле ни единой Души, что Ему сострадает!
Но простучало вдруг сердце, что Бог мне неслышно внимает...
И что Любовь и простая молитва мои не напрасны.

Минск,1991.

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Парламентарии всех стран
то в раж впадают, то в зевоту,
а пролетарии всех стран
оплачивают их работу.

А я транзистор отшвырну
и выйду на пустынный берег
глядеть, как в черную Мегру
лосось врывается на нерест.

Какая жизнь шумит вокруг!
Какие страсти в птичьих звонах!
Мне скушно, друг, мне тошно, друг,
страдать о правовых законах.

Засну под мерный шум дождя,
проснусь под грозный рокот ветра,
чтобы не слышать ни вождя,
ни лидера, ни президента...

* * *

Как долго заседают дипломаты!
Идут глубокоумные дебаты,
и безнадежно позабыт девиз
о пролетариях всех стран и всех народов,
идет тусовка новых кукловодов,
проблема въездов, выездов и виз.

Все избранные, как всегда, при деле,
и трансконтинентальные отели

забыли напрочь яростный призыв,
давно возникла новая элита,
она сидит у нового корыта
и, улыбаясь, пьет аперитив.

Москва-Симферополь.1991.

Анатолий КИЧИНСКИЙ

* * *

Як висушене сіно, шелестить
сторінка за сторінкою; летить
сухий листок над висохлим лицем,
гримованим нещадним олівцем;
і крізь безлистий кущ календаря
колюча продирається зоря
і — меркне над долиною, плачу,
насходившись над нею досхочу;
і каменем пощерблена коса,
як смужка світла гострого, згаса,
дішовши до останньоі межі,
затягується плівкою іржі.

Херсон,1992.

Владимир САВЕНКОВ

ТАРХАНКУТ

И вот опять декабрь на Тарханкуте.
Высокий ветер снова мечется в степи.
На шатких крышах черепицу крутит,
Расшатывает мачты и столбы,
И в море, в море гонит прочь из бухт
Отары волн, и, с солнца блеск срывая,
То пастухов слепит, то озаряет,
Пока по склону меленько бегут

В глухую балочку, где тихо тлеет осень
И снегом не прикрыт подножный корм,
Прижавшись потесней друг к другу овцы.

Я грею руки над степным костром.
То ближе чуть, то дальше чуть, продрогший,
Кружу проселками в кругу чужих забот.
А в городке районном пылью припорошен
На тротуарах, в выбоинах, — лед.
Поодиночке покидают порт суда,
готовые к штормам и штилям.
И в горле — ком, и на причале стылом
Их трубный вой нас за душу берет.

Симферополь,1993.

Андрей САХАЛТУЕВ

КРЫМ

Мой бедный Крым! Ты снова просишь лета,
Стыдясь своей февральской наготы.
Я узнаю на улочках нелепых
Твои средневековые черты.

Вот эти чуть прищуренные окна,
В которые заглядывать не смей,
И плач муллы, протяжный и холодный,
Над мусульманской вотчиной своей.

Ты, как герой забытого романа,
Сегодня не любим и одинок.
Ты целишься из старого нагана
В свой утомленный памятью висок.

Мне жаль тебя. Но все-таки послушай:
Не все еще пока предрешено.
Наверное, ты был когда-то дружен
С лукавым и искрящимся вином.

Некстар весны — возьми его, попробуй,
Ты так давно не пел и не кутил,
Нам предсказали дальнюю дорогу,
И дай нам Бог, по ней теперь идти.

Симферополь.1997.

Владимир КОРОБОВ

ЭЛЕГИЯ

Ржавеют виноградники по склонам.
Осенний день — как терпкое вино.
Ты снова дышишь воздухом знакомым,
Ты снова здесь, где не был так давно.
Вдали лежит рыбацкое селенье,
На берегу заброшено весло...
Но изменило прежнее везенье,
Тебя сюда напрасно занесло.
Все лучшее, что жизнь дала в наследство:
Селенье это, тихое жилье —
Теперь уже чужое, не твое.
Погребено в песке остывшем детство,
И память моря впала в забытье.
Где счастье то? Где кисти винограда?
Где золотое осени руно?
Безмолвие. Душа была бы рада
Среди деревьев гибнущего сада
Обманываться. Чем — ей все равно!
Вернуть теперь, хотя бы на мгновенье,
И зноем иссушенные холмы,
И солнечное девочки виденье
Под деревцем оранжевым хурмы.
Вернуть теперь хотя бы те минуты,
Что канули монетками на дно,
Те нежные, нечаянные путы
Любви, мелькнувшей чайкой мимо... Но
Лежит на дне жемчужина надежды.
Бежит волны седеющая прядь...
«О милое, несбывшееся, где ж ты?»—
Теперь уже напрасно повторять.

Москва-Ялта.1999.